

В стремительно меняющемся современном мире, где рушатся традиции, терпит кризис духовная жизнь, а современные технологии каждый день совершенствуют быт, неизменной остаётся потребность человека в празднике. Ведь праздники – это кратковременное воплощение мечты человека о счастье.

Между тем эта неотъемлемая составляющая жизни человека сильно зависит от изменения политического строя. Влияние власти на праздничный календарь происходит постепенно. Сегодня россиянам предлагают отмечать День народного единства – 4 ноября, День любви и верности – 8 июля, из их праздничного расписания вычеркнут День Великой Октябрьской социалистической революции – 7 ноября, за несколько десятилетий ставший по-настоящему родным. Только традиционные и религиозные праздники стойко выдерживали все временные «трудности и испытания». О том, как шаг за шагом менялись когда-то привычные для XIX века праздники после 1917 года, из разных источников узнала Юлия Рябчикова, заведующая краеведческим отделом областного центра детско-юношеского туризма и экскурсий.

Как «краснели» праздничные дни

Вместе с новой властью в 1917 году в губернские города России пришла и новая праздничная культура, пытавшаяся совместить традиции и признаки нового времени. Новые, идеологические празднества, сохраняя элементы и формы календарно-обрядовых, народных праздников, вместе с тем неуклонно меняли их содержание.

Перечень оплачиваемых праздничных дней был установлен губернским отделом труда и в Симбирске. В него вошли все государственные праздники. Не оплачивались, но отмечались как праздничные Рождество, Пасха, Духов день, Благовещенье, Успение и Крещение.

Для более качественной подготовки к праздникам «во избежание мелкобуржуазной пропаганды», как следует из материалов газеты «Заря» от 4 апреля 1920 года, при ЦК партии была создана специальная агитколлегия. Подобные органы имелись и на местах. Так, Симбирским губоно были организованы курсы по подготовке специалистов зрелищных мероприятий.

Излюбленной формой таких мероприятий была демонстрация, которая представляла собой не что иное, как модернизированный крестный ход. «Смесь военного парада и рабочей

демонстрации выросла на основе распространённой в России культуры религиозных празднеств», – писал очевидец революционных погрязений, профессор Марбургского университета Штефан Плаггенборг, исследовавший первые годы жизни советского государства.

Из новых форм массовых зрелищ особо популярными стали уличные мистерии, в которых политически надёжным режиссёрам удивительным образом удавалось совмещать идеологические мотивы с элементами народных гуляний. 5 января 1919 года в Симбирске отмечался день русских пленных, сопровождавшийся манифестацией и демонстрацией. В газете «Известия Симбирского губернского Совета рабочих и крестьянских депутатов» от 8 января было подробно описано, как по улицам Ленина, Советской, Гончарова прошло театрализованное шествие с представлением о злключениях узника, добывающегося свободы. Кульминация действия состоялась на Соборной площади города, где по этому случаю были специально сооружены декорации. В годовщину Февральской революции на Ярмарочной площади было устроено сожжение чучела Николая II, что напоминало масленичные гуляния.

Комсомольская пасха.
Антирелигиозная беседа

Фото Владимира Искитина

Религия в 1920-е годы занимала в общественном сознании достаточно прочное место. Поэтому первоначально количество религиозных праздников, оставшихся в официальном календаре, было довольно большим. Это противоречило атеистической направленности советского государства, поэтому постепенно количество подобных торжеств стало уменьшаться.

Вытеснение традиционных праздников проходило не только посредством появления нормативных документов, но и через использование приёма «осовечивания», то есть приспособления религиозных праздников и народных традиций к новым политическим, социально-экономическим и культурным условиям.

Начали со святочных и пасхальных гуляний. Сценарии «старых» праздников наполнялись революционными идеями и распространялись в крестьянской среде. Новые традиции получили название «красной обрядности».

Так появились «красное Рождество» и «красная Пасха». Например, в Самаре, вследствие указаний из «центра», к рождественскому празднику были приурочены собрания, сопровождавшиеся докладами, спектаклями на антирелигиозную тему. Кульминацией торжества стал карнавал ряженных и инсценировки – «Рождение индийского бога Агни», «Рождение Будды», сожжение символов различных религий и изображений служителей культа.

Православную Пасху также затронули революционные преобразования. В рассылаемых на места инструкциях было специально оговорено, что празднование должно «подчеркнуть противоположность между религиозным

праздником (тупость, смирение, чаяние Царства Божьего на небе, его враждебность по отношению к классовой борьбе) и праздником пролетарским».

В апрельские дни 1923 года перед Пасхой во многих городах прошли «вечера Коперника», выступления живой газеты, концерты, всевозможные инсценировки, а также пикетирование городских церквей.

Для крестьян – Красный Сабантуй и Красный Акатуй

В начале 1920-х годов агитация коснулась и традиционных национальных праздников. В Поволжье появились «Красный Сабантуй» и «Красный Акатуй».

Сабантуй значительно политизировался. Так, средства, собранные на Сабантуе 1919 года, были использованы для приобретения подарков татарским воинам-фронтовикам.

Не стали соблюдать и традиционные календарные сроки Сабантуя – в Казани он стал проводиться в конце июня – начале июля. С 1921 года сроки проведения Сабантуя подгадывали к годовщине образования Татарской Республики.

В 1925 году Сабантуй в Татарстане был объявлен татарской олимпиадой и приурочен к 5-й годовщине Татарской Республики.

В. Ягодкин в журнале «Ульяновский общественник» № 18 за 1927 год отмечал, что татарский Сабантуй, «который раньше сопровождался катанием на лошадях, выпивкой и публичной борьбой людей, в настоящее время проводится под углом зрения пропаганды агрономических мероприятий, с выставками

сельскохозяйственных машин, а также находит теперь место в этом празднестве и гимнастика, и спортивные выступления».

Неоднократно предпринимались попытки создания специальных крестьянских праздников.

В 1923 году в газете «Правда» Н.К. Крупская выступила с предложением о проведении «Праздника урожая». По замыслу руководства страны, «день урожая должен был на новой основе продолжить старые народные обычаи, сопровождающие летние и осенние работы по уборке урожая». Первоначально День урожая был официально приурочен к христианскому празднику Спаса Преображения (Яблочный Спас). В дальнейшем этот праздник в разных местностях стали отмечать в разное время. Традиционный крестьянский праздник пытались превратить в «полезный» для советской власти: «Первоначально праздник выполнял вполне определённую народнохозяйственную миссию: в его задачу входили пропаганда более совершенных агротехнических методов ведения сельского хозяйства и устройство показательных сельскохозяйственных выставок. На таких праздниках были популярны импровизации с разыгрыванием сцен на злободневные темы сельской жизни, к примеру, «суд над трёхполкой», «похороны сохи», «суд над плохим земледельцем».

Разработанные новой властью праздничные мероприятия если и подходили для города, то для деревни оказывались совершенно неосуществимы. В сельской среде население сильнее держалось за традиционный жизненный уклад и сильнее сопротивлялось революционным «новшествам».

В то же время сельское население испытывало определённую потребность в праздновании своих, крестьянских праздников. В Ульяновской области по инициативе зоотехника-коневода Богдашкинского райпо Н.Д. Агапова стал проводиться День коня. Инициативу вскоре поддержали и другие районы области, и в 1946 году в Вешкаймском районе он уже проводился как традиционный. Сохранившийся в народной памяти древний праздник, связанный с годовым циклом содержания скота, на Руси отмечался в день Фрола и Лавра, покровителей лошадей. Его празднование приходилось на второй день третьего Спаса – 31 августа. В день Фрола и Лавра крестьяне украшали коней лентами, кормили досьта отборным овсом и даже водили в церковь. Советский вариант празднования был ограничен конскими бегами и подведением итогов работы животноводов за год. По времени он был перенесён на июнь.

К началу 1930-х годов формирование новой праздничной культуры в целом завершилось. Из «красного календаря» полностью исчезли религиозные праздники. В то же время среди народов Поволжья продолжали сохраняться элементы традиционных праздников: святочные гадания, зимние и летние игрища, молодёжные посиделки, масленичные гуляния.

Деда Мороза зовут Николаем

В самом начале 1935 года пропагандистская кампания по случаю отмены хлебных карточек возвестила о конце лишений и наступлении эпохи достатка. Одним из самых популярных лозунгов того времени была фраза Сталина: «Жить стало лучше, товарищи; жить стало веселее». В конце декабря того же года советский партийный и государственный деятель Павел Постышев выступил с инициативой о возобновлении празднования Нового года, который с 20-х годов находился под запретом, как имеющий религиозную основу праздник, тесно связанный с Рождеством. С 1936 года Новый год стали отмечать повсюду, изменив его содержание – «всё церковное из этого праздника было изъято. Даже западноевропейский Санта-Клаус (то есть святой Николай Мирликийский) был превращён в «дедушку Мороза», имя которого на всякий случай писали в кавычках».

На некоторое время трансформация праздника приостановилась, что было связано с продолжающимся раскулачиванием, репрессиями, ссылками,

а затем с Великой Отечественной войной и послевоенной разрухой. Тяжёлые испытания и лишения войны послужили причиной значительного роста религиозности населения страны. Православная вера способствовала формированию в обществе патриотизма и национального самосознания, давала надежду и несла утешение. Многие православные праздники, особенно в послевоенный период, продолжали сохраняться в довольно полном виде (Рождество, Святки, Крещение, Масленица, Пасха, Троица, Иванов и Петров дни и другие).

Национальные праздники «ушли в подполье»

В тяжёлые послевоенные годы в Среднем Поволжье в ряде деревень продолжали бытовать национальные праздники, и они в большей степени соответствовали древним традициям, чем в годы революционных преобразований.

По словам уроженца села Старые Алгаши Богдашкинского района Ульяновской области А.Г. Пешне (1940 г. р.), чувашский Акатуй проводился в его селе ежегодно вплоть до 1960-х годов. Помимо концертов художественной самодеятельности, праздник включал в себя древний обряд опахивания села и конные состязания, которые были редким явлением в Акатуе даже в конце XIX века.

Национальные особенности проявлялись в проведении в том же селе в 1960-х годах Масленицы (Саварни). Несмотря на новое название праздника «Проводы русской зимы», чувашки,

сохраняя свои традиции, с удовольствием пели частушки определённого для этого праздника содержания.

В сёлах Мордовии в 1940–1950-х годах продолжали праздновать Роштувань кудо (Рождественский дом). В отличие от дореволюционного периода, когда праздник бытовал в естественных условиях, в советское время его воспроизводили коллективы художественной самодеятельности, фольклорные ансамбли. Однако по-прежнему у молодёжи существовал обычай снимать избы на время праздника и собираться на посиделки.

Впрочем, процесс стирания национальной самобытности народных праздников не прекращался, и в целом в стране продолжалась дальнейшая трансформация народной праздничной культуры. Усилия государства были направлены на формирование единой общности под названием «советский народ». И многие праздники легли в основу новых, «гибридных», с определённым «политическим лицом», призванных прославлять человека труда, социалистические идеалы.

В Чувашской Республике, например, на основе Акатуя в 1953 году появился праздник песни и труда. В него входило подведение итогов социалистического соревнования между колхозами и совхозами, вручение Красного Знамени победителям, смотр художественной самодеятельности, спортивные соревнования, традиционная народная борьба «керешу», ставшая элементом, определившим принадлежность праздника к национальной чувашской культуре.

Аналогичные праздники песни в том же году прошли по всей стране.

Фото Владимира Никитина

Аркадий Пластов. Колхозный праздник (Праздник урожая). 1938. ГРМ

В Барышском районе Ульяновской области, как отмечал директор областного дома народного творчества А. Акимов, праздник явился «новым свидетельством неустанной заботы коммунистической партии о создании изобилия духовной культуры советского народа».

Характерная черта эпохи в описываемом Акимовым праздничном событии выразилась в «простом и строгом» оформлении места проведения праздника, выполненного «рукой самодеятельного художника» и включавшего в себя «большие портреты В.И. Ленина и И.В. Сталина, обрамлённые красным знаменем, и увенчанные Гербом Советского Союза. По бокам были установлены транспаранты с выдержками из стихов Маяковского и Лебедева-Кумача». Программа выступления творческих коллективов была составлена в соответствии с регламентом подобных мероприятий и включала «Гимн Советского Союза», такие песни, как «Партия – наш рулевой», «Мы за мир!», «Песня о Ленине», «Кантата о Сталине». Кроме русских в празднике принимали участие татарские и чувашские коллективы, репертуар которых полностью состоял из народных песен. В выступлении национальных коллективов, по мнению директора дома народного творчества,

выразилась «могучая, нерушимая сила дружбы и национального единства народов Советского Союза, выкованная Компартией и советской властью».

В годы так называемого застоя тенденция сочетания старых праздников с новыми продолжилась. Появлялись новые социалистические обряды, посвящённые успешному выполнению производственных планов, социалистических обязательств, пропагандирующие революционные, боевые и трудовые традиции. Некоторые из них, в частности посвящённые трудовым достижениям, органично вписавшись в традиционный порядок проведения праздников, сохранились до последнего времени и рассматриваются как их составные части.

Татарский народный праздник Навруз на селе стал проходить как смотр готовности трудовых коллективов к весенним полевым работам. В городе до начала 90-х годов ему придавался характер рапорта о проделанной работе и продолжении трудовой эстафеты.

Следует отметить, что самые важные календарно-земледельческие православные и мусульманские праздники сохранялись в городском и сельском семейном быту. На Новый год и Рождество вырубали проруби – Иордании на реках, гадали; на Масленицу пекли

блины. Весной, отмечая Навруз, татары накрывали столы с традиционными угощениями и одаривали малоимущих; у православных в домах появлялись веточки вербы, на Страстной неделе проводилась уборка. На Пасху непременно пекли куличи, красили яйца; на Троицу в деревнях дома украшали цветами и ветвями березы, посещали кладбища; на Иванов день было принято собирать травы, заготавливать веники и париться ими в бане. У чувашей повсеместно сохранялось празднование Симека.

И всё-таки национальные праздники значительно пострадали, так как сохранение этнической самобытности народных праздников не входило в первоочередные задачи руководства страны. В таких условиях старинные формы многих национальных праздников народов Среднего Поволжья были забыты. Их бытование отмечалось лишь в отдельных районах. В то же время отдельные элементы народных праздников сохранились и прочно вошли в повседневную жизнь городов и сёл Поволжья.

В статье использованы материалы диссертации М.А. Бравиной «Повседневная жизнь Симбирска в условиях революции и гражданской войны: 1917–1922 гг.». Чебоксары, 2008